

ЛИНГВИСТИКА

Л. Н. Герасимова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯКУТСКОМ И АЛТАЙСКОМ ЭПОСАХ¹

Приводится анализ изобразительных глаголов якутского и алтайского языков, которые выступают в качестве экспрессивно-выразительных средств эпоса и широко применяются в речи сказителя, с целью выявления структурно-семантической специфики и установления функциональных особенностей данной группы глаголов в эпическом тексте. Материалом для исследования послужили эпосы с малым объемом – якутское олонхо «Үс халлаан күүһэ күүстээх Көбүө Дьабыл буҕатыр» (Богатырь Кёбюё Джагыл) П. Хабарова и алтайский эпос «Алтай Буучай» Н. Улагашева. Систематизация глаголов была сделана, основываясь на работе Л. Н. Харитоновой. Путем метода сплошной выборки и компонентного анализа из якутского олонхо выявлено 17 глаголов, из алтайского эпоса – 10; глаголы распределены по группам: глаголы движения в широком смысле; глаголы, характеризующие походку, движение тела, частей тела; глаголы, характеризующие мимику, лицо человека (данной группы в алтайских глаголах не обнаружено); глаголы, характеризующие световое восприятие. Структурно-семантический анализ показал, что среди выявленных якутских изобразительных глаголов преобладает заимствование основ с монгольским происхождением, а у алтайских глаголов – подавляющее большинство основ с тюркским происхождением. Результат метода контекстного анализа показывает, что функция изобразительных глаголов в олонхо заключается в описании местности, природы и богатства жителей Среднего мира, также в характеристике внешности положительных и отрицательных персонажей, раскрытии их психологического и эмоционального состояния и внешнего вида, передаче оценки происходящего. В алтайском эпосе изобразительные глаголы в большей степени служат для описания персонажей. Помимо этого, анализ данных глаголов показал, что изобразительные глаголы в якутском и алтайском эпосах служат составными частями таких распространенных приемов художественного описания, как сравнение и параллелизм. По мнению автора, употребление таких языковых единиц, как изобразительные глаголы, придающих речи сказителя красочность и многообразие, может иметь общие особенности и характерные черты, несмотря на то, что каждый отдельный сказитель эпоса имеет свою манеру исполнения, обладает разной степенью мастерства и определенным лексическим запасом родного языка. Для выявления более конкретных общих и отличительных функциональных особенностей изобразительных глаголов необходимо провести исследование с эпическими текстами больших объемов.

Ключевые слова: эпический язык, глагол, образные глаголы, олонхо, алтайский эпос, функциональность, сравнительное изучение, сказительство, лексический словарь сказителя.

Введение

Уровень мастерства любого сказителя напрямую зависит от его лексического запаса, от того, насколько он владеет выразительными и образными оборотами речи. Выступающие в качестве экспрессивно-выразительных средств эпоса и широкоприменяемые в речи сказителя изобразительные глаголы относятся к числу таких оборотов речи.

В якутском языке много изобразительных глаголов и большинство из них предположительно заимствовано из монгольских языков. В. И. Рассадин считает, что много заимствований встречается в тех языках, которые оказались под значительным влиянием монгольского языка (Рассадин, 1980: 75). Большое количество монгольских заимствований в якутском языке Е. И. Убрятова связывает с тем, что у якутских предков было сформировано развитое образное мышление (Убрятова, 1960: 8). В алтайском же языке, как отмечает В. И. Рассадин, монгольских заимствований намного меньше (Рассадин, 1980: 75).

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительные аспекты».

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью использования изобразительной лексики в эпических текстах. В данной работе представлен анализ изобразительных глаголов в языке двух народов – родственных, территориально близких и с похожей эпической традицией – с целью выявления структурно-семантической специфики и установления функциональных особенностей данной группы глаголов в эпическом тексте этих народов, что, несомненно, будет иметь значение для определения генетической связи якутского олонхо с эпическими традициями тюрко-монгольских народов Сибири.

Как известно, начало сравнительного изучения якутского олонхо и алтайского эпоса было заложено И. В. Пуховым, который выделил общие, сходные и различные особенности в сюжетах, образах и стилях рассматриваемых эпосов (Пухов, 2003). Современными исследователями затронуты темы эпических формул (Ефремов, 2015), сравнения (Львова, 2019), генетические связи на основе семантических значений эпических формул и структурно-композиционного построения текста (Гоголева, 2015), проблема параллелизма (Борисов, 2013) и др.

Изобразительные глаголы – это особая лексико-семантическая группа глаголов, в значении которых основными составляющими являются чувственное восприятие и движение, при этом во многих случаях преобладает зрительный образ (Харитонов, 1960: 203). Фундаментальными трудами, посвященными изобразительным глаголам якутского языка, считаются монографии Л. Н. Харитонova (Харитонов, 1847; 1954; 1960). В исследованиях последних лет якутскими лингвистами изучены отдельные группы изобразительных глаголов, такие как глаголы движения (Ефремов, 2017), глаголы, выражающие походку человека (Жиркова, 2017). А также в направлении сопоставительно-сравнительного изучения тюрко-монгольских языков есть ряд статей, где изобразительные глаголы рассмотрены в сопоставлении с монгольским (Монастырев, Ефремов, 2019; Шамаева, Прокопьева, 2019) и киргизским языками (Аргунова, Сорова, 2019). В «Грамматике современного алтайского языка» изобразительные слова как морфологическая единица не отмечаются, лишь в разделе «Словообразование глагола» путем словосложения упоминаются как неглагольный компонент (Грамматика современного алтайского языка, 2017: 447). В настоящее время в алтайском языке отсутствуют специальные исследования, направленные на изучение изобразительных глаголов как отдельной лексико-семантической группы. Поэтому при попытке классификации глаголов данной группы якутского и алтайского языков мы опирались на фундаментальный труд Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке» (Харитонов, 1954). Данная монография содержит общие теоретические положения об изобразительных глаголах как об отдельной группе глаголов якутского языка, их семантическую классификацию, кроме того, здесь приведены видовые формы и отмечены основные фонетические особенности изобразительных глаголов.

Материалы и методы

В связи с тем, что данная статья является первой попыткой сравнения особенностей употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах, материалом для исследования послужили эпосы с малым объемом – якутское олонхо «Үс халлаан күүһэ күүстээх Көбүө Дьабыл буҕатыыр» (Богатырь Кёбюё Джагыл) П. Хабарова и алтайский эпос «Алтай Буучай» Н. Улагашева. В работе использованы метод сплошной выборки для сбора примеров изобразительных глаголов из эпических текстов; компонентный анализ, который позволяет дифференцировать значение слова на минимальные языковые единицы (признаки, компоненты, семы); метод контекстного (дистрибутивного) анализа, предоставляющий возможность выявить различные значения и оттенки значений исследуемых глаголов в составе контекста в зависимости от их функций.

Структурно-семантическая характеристика изобразительных глаголов

Из текста якутского олонхо выявлено 17 образных глаголов, их можно отнести к следующим группам: 1) глаголы движения в широком смысле (4); 2) глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела (8); 3) глаголы, характеризующие мимику и лицо человека (3); 4) глаголы, характеризующие световое восприятие (2).

1. Глаголы движения в широком смысле:

як. *күөрэй* ‘взвиваться, всплывать вверх, парить ввысь’ (Харитонов, 1954: 290). Данная словоформа соотносится с монгольской основой KÖGERE- (kögөз -ge-) халх. *хөөр-*, бур. *хөөрэ-*, калм. *көөр-* ‘пениться; кипеть, переливаясь (например, о молоке); подниматься вверх, поверху (например, о снеге, облаке)’ (Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина (далее – ЭСМЯ), т. 2, 2016: 136);

як. *субуруй* ‘мгновенно тянуться, протягиваться вдоль; удлиняться, волочиться’ (Харитонов, 1954: 297). Используется в эпическом тексте в форме мгновенности *субурус гын* и соответствует монгольской SUBURI- [*subu-gi-] бур. *хубари-* ‘идти следом, гуськом; литься, течь струей; волочиться, тащиться нитью’; калм. *совр-* ‘тянуться, растягиваться’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 130);

як. *үллэннээ* ‘сильно волноваться, вздыматься; задвигаться, зашевелиться; раздуваться, сотрясаться’ (Большой толковый словарь якутского языка (БТСЯЯ), т. 7, 2015: 425). В структурном плане соотносится с монгольской словоформой ÜYILJE- (*üyü2 -lje-) халх. *үйлз-* ‘течь волна за волной; прибоями; дуть частыми порывами (о ветре); (перен.) быть в смятении, волноваться’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 215);

як. *халый* ‘сбиваться с пути, уклониться в сторону; катиться, раскатиться, разлиться, заливать’ (Харитонов, 1954: 301). Данное слово соответствует монгольской глагольной основе QALII – [←*qali-] халх., бур. *хали-*, калм. *халь-* ‘переливаться через край; выступать из берегов, поверх льда; взлететь вверх, парить в высях’ (о птицах); (перен.) умереть; халх. ‘падать с коня’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 25).

2. Глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела:

як. *бөлөнүй* ‘свертываться, сгущаться в результате скисания или застывания; полнеть, поправляться (о человеке)’ (Толковый словарь якутского языка (ТСЯЯ), т. 2, 2005: 447). Соотносительен с монгольской словоформой BÜLIN халх. *бүлэн*, бур. *булин* ‘сгусток крови’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 123);

як. *быакай* ‘стянуться в талии, быть слишком тонким в талии’ (Харитонов, 1954: 287). Встречается в эпическом тексте в форме *быакарый*, образованном с помощью аффикса *-рый* видовой формы подвижности или динамичности воспринимаемого явления. Основа *быакай*, по мнению Л. Н. Харитоновой, возможно, происходит от слов *быа* или *баай* или от их архетипа (Харитонов, 1954: 228). Глагол *быакай* можно соотнести с древнетюркской словоформой *bay* ‘оковы, узы; овязка, покрывало; узел, кипа; вязанка; группа, разряд’ (Древнетюркский словарь (ДТС), 1989: 77);

як. *көнчөй* ‘неестественно вытягиваться, напряженно выпрямляя спину и шею; казаться прямым, негнушимся, негнибающимся (о человеке)’ (БТСЯЯ, т. 4, 2007: 285); ‘напряженно выпрямлять спину и шею; казаться негнибаемым, неуклюжим’ (Харитонов, 1954: 289). В тексте олонхо встречается глагол *көнчөҥнөө*, который образован от *көнчөй* с помощью аффикса *-ҥнаа* видовой формы равномерной кратности. Словоформа *көнчөй* относится к древнетюркской основе *köp-* ‘выпрямляться; исправляться, становиться на правильный путь; исправляться, становиться покладистым, смиренным’ (ДТС, 1989: 314);

як. *кынчай* ‘смотреть сверху и вбок’ (Харитонов, 1954: 290). В структурно-семантическом отношении подходит к двум древнетюркским лексемам *кынжыр* ‘косой, косоглазый; уродливый, имеющий телесный недостаток; покосившийся, перекошенный; жадный; алчный, ненасытный; трахома’ (Э. В. Севортян, Л. С. Левитская (далее – ЭСТЯ), т. 6, 1997: 221) и *кыңыр* ‘кривой, косой; неправый; упрямый; сердитый’ (ЭСТЯ, т. 6, 1997: 222);

як. *махчай* ‘слегка присесть на ширококорасставленных и кривосогнутых ногах’ (Харитонов, 1954: 292); ‘с усилием тянуть, поднимать что-л., упираясь ширококорасставленными и согнутыми в коленях ногами в землю’ (БТСЯЯ, т. 6, 2009: 254). Основа соответствует к монгольской ВАҮҢАҮИ- (*baŋsa-yi-*), калм. *багца-* ‘быть коротким и толстым’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 68);

як. *мотой* ‘двигаться, ходить, быстро переступая, перебирая ножками (о пухленьком маленьком ребенке)’ (БТСЯЯ, т. 6, 2009: 300). В олонхо зафиксирован глагол *мооторуй* – *моторуй*, который образован от основы *мотой* при помощи аффикса *-руй* видовой формы подвижности. Данный глагол соотносится с глаголами *мотурай* ‘(о ребенке) быть пухленьким и миловидным’ и *мотуранда* ‘двигаться – о пухленьких и миловидных детях’ (Киргизско-русский словарь (КРС), т. 2, 1985: 34) в киргизском языке;

як. *тарай* ‘раскидываться, растопыриваться, лежа или откидываясь назад, имея небольшую фигуру’ (Харитонов, 1954: 298); ‘лежать или упасть навзничь, раскинув руки-ноги’ (БТСЯЯ, т. 10, 2013: 239). В лексико-структурном плане соответствует монгольской основе ТАРАҮИ- (*taŋa-yi-*) халх. *тарай-* ‘растянуться при падении’; бур. *тарай-* ‘развалиться, раскидываться; растягиваться’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 154);

як. *чохчай* ‘сидеть на корточках’ (БТСЯЯ, т. 14, 2017: 200). По нашим наблюдениям, исходит от древнетюркской основы *сөк-* ‘опускаться, становиться на колени; *прям. и перен.* опускаться, падать; погружаться; *перен.* огорчаться’ (ДТС, 1989: 154), и это подтверждает наличие в киргизском языке лексемы *чөгөөлө-* ‘стоять на коленях’ (КРС, т. 2, 1985: 371).

3. Глаголы, характеризующие мимику и лицо человека:

як. *ардбай* ‘скалить свои крупные и редкие зубы’ (ТСЯЯ, т. 1, 2004: 557); ‘быть редкими и крупными, торчать там и сям (о зубах)’ (Харитонов, 1954: 285). Основа глагола совпадает с монгольской лексемой АРҮАҮИ халх., бур. *арзай-*, калм. *арза* ‘быть оскаленным (о зубах)’; халх. ‘быть шероховатым, неровным, грубым’; калм. ‘(перен.) ухмыляться’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 56);

як. *ордой* ‘иметь торчащие зубы (о человеке)’ (БТСЯЯ, т. 7, 2010: 326); ‘выставлять зубы, иметь выступающие передние зубы’ (Харитонов, 1954: 296). Глагол *ордольдуй*, образованный с помощью присоединения аффикса отдельной кратности *-льдый* к *ордой*, имеет соотношение с монгольской глагольной основой ORSUҮИ- [**orsa-yi-*] халх. *орсой*, калм. *орса-* ‘выдаваться вперед, криво, быть неровным (о зубах)’ (ЭСМЯ, т. 2, 2016: 216);

як. *чамчай* ‘иметь маленькое лицо с тонкими поджатыми губами; иметь короткое лицо с широким и низким лбом’ (Харитонов, 1954: 302). По значению и структуре сходится с монгольской лексемой ТАВҚАҮИ- (**tabq-a-yi-*) халх. *тавхай-* ‘быть плоским, плосковерхим’ (ЭСМЯ, т. 3, 2018: 146).

4. Глаголы, характеризующие световое восприятие:

як. *килбэй* ‘блистать, блестеть’ (Харитонов, 1954: 289); ‘отсвечивать, блестеть’ (БТСЯЯ, т. 4, 2007: 93); як. *кылбай* ‘сверкать, переливаться, ярко блестеть, отражая свет; отличаться, выделяться белизной’ (БТСЯЯ, т. 5, 2008: 227). У указанных глаголов одинаковая основа и относится к монгольской словоформе GILBA- (**gila-ba-*): халх. *гялба-*, бур. *гилба-*, калм. *гилв-* ‘блестеть, сверкать, слепить, играть всеми цветами радуги’ (ЭСМЯ, т. 2, 2016: 44). Глагол *кылбай* в примерах эпического текста встречается в видовой форме равномерной кратности *кылбаннаа*, образованной с помощью прибавления аффикса *-ннаа*.

Из алтайского эпоса было зафиксировано всего 10 изобразительных глаголов, которые распределены на три группы: 1) глаголы движения в широком смысле (8); 2) глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела (1); 3) глаголы, характеризующие световое восприятие (1).

1. Глаголы движения в широком смысле:

алт. *барбай* ‘распушиться’ (Балакина, Дедеева, 2015: 25). Данная словоформа соответствует монгольской основе BARBAYI- (*barba-yi-) халх. *барвай-*, бур. *барбай-*, калм. *барвэ-* ‘быть мохнатым, окладистым, взлохмаченным, грубым’. В «Этимологическом словаре монгольских языков» есть дополнение о том, что в киргизском языке также существует основа *барбай-* со значением ‘иметь вид вздувшегося, распухшего, толстого’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 77);

алт. *бурмакта* ‘крутиться, извиваться’ (Ойротско-русский словарь (ОРС), 1947: 35). В лексико-структурном плане соотносится с тюркской лексемой *бур-/bur-* ‘крутить; сверлить, буравить; кружиться; ввинчивать, завинчивать, ввертывать; поворачивать; поворачиваться; *перен. знач.* переводить разговор, уклоняться от прямого ответа; *перен. знач.* решать дело в пользу кого; направлять; гнуть, сгибаться; морщить, морщинить; плести; вытягивать; закрывать’ (ЭСТЯ, т. 2, 1978: 264);

алт. *бүкте* ‘сложить, согнуть, загнуть’ (Балакина, Дедеева, 2015: 34); ‘складывать, сгибать что’ (Алтайско-русский словарь (АРС), 2018: 138). Основа глагола относится к тюркской *бүк-/bük-* ‘гнуть, сгибать; сгибаться, пригибаться; крутить; (с)вязать; вынимать; делать ч.-л. из теста; загораживать; укрывать, скрываться, утаиваться; обрубить; жаждать ч.-л.; присваивать себе чужую долю; подстерегать; устраивать, уравнивать’ (ЭСТЯ, т. 4, 1989: 291);

алт. *жайкан* ‘качаться’ (Балакина, Дедеева, 2015: 38). Имеет соотношение к двум тюркским основам *жайқан-* ‘колебаться’ (ДТС, 1989: 227) и *йайқа-* ‘приводить в [колебательное] движение’ (ЭСТЯ, т. 4, 1989: 77);

алт. *селбекте* ‘качать (на качелях); колебать, трясти; шатать’ (АРС, 2018: 579); ‘качаться, колебаться, трястись; повиснуть, болтаться’ (ОРС, 1947: 127). По данным «Этимологического словаря монгольских языков», глагол соотносится с двумя лексемами *ЅERBE2* – калм. *цэргэ-* ‘прыгать, красиво бежать (о лошади); легко идти (о людях); висеть, раскачиваться, скользить’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 139) и *ЅERBELjE-* (*čerbe2 -lje-*) халх. *цэрвэлз-* ‘качаться (о растениях)’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 140). Однако в труде М. Рясненена «Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen» есть тюркские основы тел. *jalby* ‘обмахивать (тканью, веером)’ и тел. *jalbra* ‘трепетать, дрожать на ветру’ (Räsänen, 1969: 182, 196), которые имеют соотношение к структуре и значению глагола *селбекте*;

алт. *түрүл* ‘свертываться, завертываться, подвертываться, засучиваться (о рукавах, подоле)’ [ОРС, 1947: 163]. Отношение данного слова к тюркским лексемам подтверждается основами *дүйр-* ‘свертывать, скатывать; складывать, сгибать; вертеться’ (ЭСТЯ, т. 3, 1980: 319) и *түр-* ‘сворачивать, заворачивать, свертывать; складывать’ (ДТС, 1989: 598);

алт. *чайбал* ‘расплескаться, всплескивать, взбалтывать’ (Балакина, Дедеева, 2015: 145). Глагол можно соотнести с двумя тюркскими основами *жайқал-* ‘колебаться’ (ДТС, 1989: 227) и *йай-* ‘приводить в движение; колебать; трясти; качать; иметь склонность; наклоняться; наклонять; полоскать; пахтать, сбивать масло; разливать, рассыпать, разливаться, распространяться; пасти’ (ЭСТЯ, т. 4, 1989: 75);

алт. *шунг эт* ‘носиться быстро (туда-сюда)’ (Балакина, Дедеева, 2015: 155); ‘стремительно проноситься; быстро пролетать’ (АРС, 2018: 884). Предположительно, произошел в результате присоединения звукоподражания ветру «шуу» (АРС, 2018: 155) и вспомогательного глагола *эт* = ‘делать’. В других источниках не обнаружена какая-либо информация про основу данного глагола.

2. Глаголы, характеризующие походку, движение тела и частей тела:

алт. *бөкөй* ‘гнутья, нагибаться, наклоняться’ (Балакина, Дедеева, 2015: 31). В лексико-структурном плане соответствует двум монгольским лексемам *ВӨКҮҮИ-* (**boki2-yi-*) бур. *бохий-*, калм. *боки-* ‘согнутья, сгорбиться’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 97) и *ВӨКҮҮИ-* (**böki2-yi-*) халх. *бөхий-*, бур. *бұхы-*, калм. *бөки-* ‘нагибаться, горбиться’ (ЭСМЯ, т. 1, 2015: 105).

3. Глаголы, характеризующие световое восприятие:

алт. *мызылда* ‘блестеть, сверкать’ (Балакина, Дедеева, 2015: 91); ‘сверкать, мерцать; сверкать, отличаться белизной; сверкать от чистоты, блестеть’ (АРС, 2018: 479). Основа данного глагола предположительно соотносится с монгольской основой *MIRALJA-* (**mirā2-lja-*) бур. *миралза-* ‘переливаться, рябить’ (ЭСМЯ, т. 2, 2016: 171).

Анализ изобразительных глаголов показывает, что из зафиксированных основ в якутском языке преобладает использование группы глаголов, характеризующих походку, движение тела и частей тела, в алтайском языке – глаголы движения в широком смысле. В результате структурно-семантического разбора отмечено, что в якутском языке из 17 глаголов 12 основ имеют соотношение к монгольским основам (70,59%): *ардьай, бөлөнүй, килбэй, күөрэй, кылбай, махчай, ордьой, тарай, субуруй, үллэннээ, халый, чамчай*; 5 основ – к тюркским (29,41%): *быакарый, көнчөнөө, кынчай, мооторуй, чохчой*. В алтайском языке 6 глаголов из рассматриваемых 10 относятся к основам с тюркским происхождением (60%): *бүкте, бурмакта, жайкан, түрүл, чайбал, шун эт*; 4 глагола – к основам с монгольским происхождением (40%): *барбай, бөкөй, мызылда, селбекте*. Следовательно, можно утверждать, что среди выявленных якутских изобразительных глаголов преобладает заимствование основ с монгольским происхождением, а у алтайских глаголов – подавляющее большинство основ с тюркским происхождением.

Функциональные особенности изобразительных глаголов

1. Изобразительные глаголы в олонхо

Изобразительные слова, как отмечает А. М. Николаева, эксплицируют яркую образность, тем самым выполняют функцию средства художественного описания (Николаева, 2014: 105), и в этом плане изобразительные глаголы активно используются сказителями для изображения происходящего действия. При анализе выполняемых функций глаголов в тексте обнаружено:

1. Изобразительные глаголы в олонхо привлечены преимущественно для описания местности, природы и богатства жителей Среднего мира. Так, глаголы *халый* и *быакарый* употреблены для характеристики домашней утвари жителей Среднего мира в отрывке: *Бу дьон / Быакарыйан кэлэр быһыччалаахтар, / Сүүрэн кэлэр сүгэлээхтэр, / Халыйан кэлэр хаптаһыннаахтар* (Хабаров, 2004: 207) ‘Эти люди имеют ножики утончающиеся, топоры прибегающиеся, доски приплывающиеся’ [здесь и далее перевод автора].

Глаголы *кылбаннаа* и *моторуй* содействованы для описания особенностей природы Среднего мира, а именно деревьев: *Кыыс дьахталлар / Кылбаннаа туралларын курдук, / Кыһыл ширэ талахтар / Үүнэн бартар* (там же: 208) ‘Как будто девушки-женщины стоят поблескивают, красные ивы начали расти’; *Саныйахтаах омук оҕолоро / Төттөрү-таары моторуһа / Сысса туралларын курдук, / Лобуой хара болбукталар / Үүнэн бартар* (там же: 208) ‘толстые черные орешники стали вырастать, как будто дети другого народа с дохами ходят и бегают туда-сюда, быстро перебирая ножками’.

2. Изобразительные глаголы употреблены большей частью для передачи состояния, характеристики внешнего вида и нрава богатыря айыы. Так, напр., глаголы *чихчой* и *махчай*

показывают, насколько богатырь айыы стал могучим и способным состязаться с равным ему по силе в примере: *Торбос-тыһаҕас / Сыатын сиэммин / Махчайа байдым, / Чохчойо тоттум* (Хабаров, 2004: 209) ‘Съев сало теленка-бычка, разбогател до приседания на широко расставленных ногах, насытился до приседания на корточках’. Далее в отрывке: *Хайа дайды / Оһорсунун ороон сиэн / Араҕастыйа бөлөнүён / Буолар да эбиккин, оҕолоор!* (там же: 213) ‘Траву какой страны собрав и скушав, располнел ты так до желтизны, оказывается’, богатырь абаасы перед началом сражения как бы поражается внешностью богатыря айыы, но на самом деле насмехается над ним и поэтому данный отрывок следует понимать как: «Посмотрим, из какого теста ты сделан!». Стоит отметить, что глагол *бөлөнүй* выступает в переносном значении ‘полнеть, поправляться (о человеке)’ (ТСЯЯ, т. 2, 2005: 447).

В тексте олонхо есть эпизод, где богатырь айыы в гневе высказывает злобные слова: *Бу дайды / Торҕонун торолутуом, / Бу дайды үөнүн үллэннэтиэм, / Бу дайды көйүүрүн көнчөһнөтүөм* (Хабаров, 2004: 212) ‘Изголодавшего этой страны откормлю, насекомых этой страны заставлю вздуться, мелкую живность этой страны заставлю сгибаться’, использованные здесь глаголы *үллэннээ* и *көнчөһнөө* служат для передачи психологического состояния богатыря айыы и его угрозы богатырю абаасы.

3. Изобразительные глаголы задействованы для описания внешнего вида и оценки действий богатыря абаасы. Глагол *субурус гын* встречается в описании мгновенного исчезновения богатыря абаасы, превратившись в зеленый свет, в отрывке: *Күөх уот буолан, / Халлаан туһарҕаатын (тус арҕаа) диэки / Субурус гынан хаалбыт* (там же: 216) ‘Зеленым светом прямо на западную сторону неба мгновенно потянулся’. В примере: *Абыс хос мэйшилээх / Өлүү куоҕаһа буолан күөрэйбит* (там же: 223) ‘Всплыл вверх обернувшись гагарой смерти с восьми мозгами вместо одной’ глагол *күөрэй* используется для изображения появления абаасы из огненного моря с целью успеть сказать свое последнее слово перед смертью. В этих двух примерах глаголы служат для передачи динамики происходящего через описание скорости действий и движений богатыря абаасы.

Наглядное представление о богатыре абаасы в моменте движения достигается с помощью глагола *кынчай* в отрывке: *Сур кырынаас буолан / Өрө кынчайан иһэн, / Убайар уот байҕалга / Төбөтүн оройунан барбыт* (там же: 223) ‘Как серый горноста́й шел, смотря сверху вбок, в Огненное море прямо макушкой упал’. В следующем примере: *Үс чаас курдук / Уган ардьайа турбут* (там же: 212) ‘Падал в обморок в течение трех часов, скаля свои крупные и редкие зубы’ с помощью глагола *ардьай* создается портрет абаасы, имеющего торчащие крупные зубы, таким образом, дается характеристика неприглядного внешнего вида персонажа.

Глагол *чамчай* используется в высказывании просьбы богатыря абаасы к духу Огненного моря: «*Өрөгөйүм үрдүө буоллар, / Саргым чамчайыа буоллар*» (там же: 221) ‘Иль удача моя возрастет, иль благополучие мое снизится’, иными словами «пусть случится то, что суждено». Данное высказывание выражает отчаяние богатыря абаасы, готового к худшему исходу происходящего.

В процессе исследования установлено, что изобразительные глаголы являются компонентом изобразительно-выразительных средств, в данном случае – сравнений. Глаголы *кылбаннаа* и *моторуй* являются компонентами сравнительной конструкции с показателем *курдук* ‘словно, подобно, как, похожий’, которая является самым распространенным и универсальным способом выражения сравнения в якутском языке в целом (Васильев, 1986: 62–63): *Кыыс дьахталлар / Кылбаннаа туралларын курдук, / Кыһыл иирэ талахтар / Үүнэн бартар* (Хабаров, 2004: 208) ‘Как будто девушки-женщины стоят поблескивают, красные ивы начали расти’; *Санҕыйахтаах омук оҕолоро / Төттөрү-таары моторуһа / Сысса туралларын курдук, / Лобуой хара болбукталар / Үүнэн бартар* (там же: 208) ‘Как будто дети другого народа с дохами ходят и бегают

туда-сюда, быстро перебирая ножками, толстые черные орешники стали вырастать'. Глагол *кынчай* относится к сравнительной конструкции с показателем *буолан* 'как' в примере: *Сур кырынаас буолан / Өрө кынчайан иһэн, / Убайар уот байбалга / Төбөтүн оройунан барбыт* (там же: 223) 'Как серый горноста́й шел, смотря сверху вбок, в Огненное море прямо макушкой упал'. Участвуя в образовании сравнений, изобразительные глаголы способствуют зрительной передаче свойств предмета, состояния или поведения, тем самым придают речи наглядность.

Следует добавить, что кроме сравнений изобразительные глаголы широко используются в составе параллелизмов. Например, глаголы *махчай* и *чохчой*: *Торбос-тыһаҕас / Сыатын сиэммин / Махчайа байдым, / Чохчойо тоттум* (там же: 209) 'Съев сало теленка-бычка, разбогател до приседания на широко расставленных ногах, насытился до приседания на корточках'. А также глаголы *үллэннээ* и *көнчөннөө*: *Бу дайды / Торбонун торолутуом, / Бу дайды үөнүн үллэннэтиэм, / Бу дайды көйүүрүн көнчөннөтүөм* (там же: 212) 'Изголодавшего этой страны откормлю, насекомых этой страны заставлю вздуться, мелкую живность этой страны заставлю сгибаться'.

2. Изобразительные глаголы в алтайском эпосе

Как показало исследование, изобразительные глаголы используются в сюжетной линии алтайского эпоса в большей степени при описании персонажей. Глагол *шун эт* употребляется в примере: *Онон ары јерди көстөн, / Шонкор кептү шунгуп ийди* 'Дальше, устремив свой взор в следующую землю, / Как сокол, стремглав полетел' (Улагашев, 2013: 56), в котором движения богатырского коня, уносящего небесную девушку на землю, уподобляются полету сокола.

Следующий глагол *бурмакта* привлекается для описания действия, подобного движению пыли, когда хан ударяет двух женщин плеткой, то есть изображается исчезновение женщин во мгновение ока: *Тоозындый озор бурлай берди, / Тумандый кайыла бергиледи* '[Они], как пыль, развеялись, / Как туман, рассеялись' (там же: 52). Здесь глагол *бурмакта* показывает быстроту движения, а также содержит оценку силы удара хана.

Возвращение хана Алтай Буучая с охоты в родной дом и характеристика езды коня Камчы-Дерена (к Матери-Земле) даются через описание природы. Все объекты представляются живыми, их движения и действия отождествляются с человеческими, напр., *Кайа-таштар кожондоп јадат, / Кара агаштар бүктелип јадат, / Алтай үсти селендеп, турат, / Агын суулар чайбалыжат* 'Скалы-камни запели, / Множество деревьев пригнулись, / Поверхность Алтая содрогалась, / Текущие реки расплескались' (там же: 32); *Јердин үсти селес этти, / Агаш баштары бүктели берди, / Јаан суулар чайбала берди* 'Поверхность земли содрогнулась, / Верхушки деревьев пригнулись, / Большие реки расплескались' (там же: 20). В упомянутых примерах глагол *чайбал* отражает движение рек, глагол *бүкте* показывает движение деревьев, а глагол *селбекте* передает состояние земли при появлении хана.

Для яркой передачи внешности старика используется изобразительный глагол *бөкөй* в примере: *Чоргодый бойы бөкөйгөн, / Шалтай-Белтей деп атту өбөгөн / Алтай-Буучайга мүргүди* 'Как дугообразная трубка сгорбившийся, / Старик по имени Шалтай-Белтей / Алтай-Буучаю поклонился' (там же: 50), а при описании лисицы применен глагол *түрүл*: *Јеерен кызыл түлкү айтты, / Түрүлеле, уйуктай берди* 'Рыже-красная лисица сказала, / Свернувшись [клубком], уснула' (там же: 36).

Глаголы *јайкан* и *барбай* использованы для изображения появления чудовища из его дворца и ясно показывают его отталкивающую внешность: *Тогус башту јелбеген / Јер кара өргөдзинен / Тогус баштары јайканыжып, / Тогус сагалы барбайыжып, / Чыгып келбей канайтты* 'Девятиглавый Джелбеген / Из земляного черного дворца / Девятью головами раскачивая, / Девятью щетинистыми бородами шевели, / Тут и вышел' (там же: 38).

Вероломные жена и дочь Алтай-Бучая, встречая его противников-ханов, всю наряжаются, прихорашиваются, и в описании этой картины участвует глагол *мызылда*: *Торко тондоры мызылдап, / Алтын чачактары јайылып, / Эки каанныг адын алдылар, / Ак өргөөзине колтуктап кийдирдилер* ‘Шелковыми шубами сверкая, / Золотыми кисточками [шапок своих] играя, / У двух ханов коней приняли. / В белый дворец, под руки взяв, провели’ (там же: 20).

Как и в якутском олонхо, изобразительные глаголы в эпосе «Алтай Буучай» встречаются в качестве компонентов сравнения. Как пишет Л. Ц. Санжеева, сравнение как один из общепринятых приемов художественного описания эпических текстов подчеркивает отчетливость, изобразительность предметов и явлений, к тому же, прибавляя ясность и живость изложения, повышает эмоциональную выразительность (Санжеева, 2017: 13). Согласно классификации Л. Н. Тыбыковой (Тыбыкова, 1988: 111–127), сравнения с изобразительными глаголами в алтайском языке относятся к сравнительным конструкциям со словом *кептү* ‘словно, подобно’: *Онон ары јерди көстөп, / Шонгор кептү шунуп ийди* ‘Дальше, устремив свой взор в следующую землю, Как сокол, стремглав полетел’ (Улагашев, 2013: 56) и к сравнительным конструкциям с аффиксом *-дый/-дий*: *Тоозындый олор бурлай берди, / Тумандый кайыла бергиледи* ‘[Они], как пыль, развеялись, / Как туман, рассеялись’ (там же: 52); *Чоргодый бойы бөккөйгөн, / Шалтай-Белтей деп атту өбөгөн / Алтай-Буучайга мүргүди* ‘Как дугообразная трубка сгорбившийся, / Старик по имени Шалтай-Белтей / Алтай-Буучаю поклонился’ (там же: 50).

Выявлено, что изобразительные глаголы в алтайском эпическом тексте являются незаменимым компонентом параллелизма и служат для выражения эмоционально-оценочной характеристики движения. Напр., *Кайа-таштар кожондоп јадат, / Кара агаштар бүктелип јадат, / Алтай үсти селендеп, турат, / Агын суулар чайбалыжат* ‘Скалы-камни запели, / Множество деревьев пригнулись, / Поверхность Алтая содрогалась, / Текущие реки расплескались’ (там же: 32); *Јердин үсти селес этти, / Агаш баштары бүктели берди, / Јаан суулар чайбала берди* ‘Поверхность земли содрогнулась, / Верхушки деревьев пригнулись, / Большие реки расплескались’ (там же: 20).

Заключение

В результате проделанного структурно-семантического анализа изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах малого размера можно заключить, что данные глаголы относятся к глаголам движения в широком смысле, глаголам, характеризующим походку, движение тела, частей тела, глаголам, характеризующим мимику, лицо человека, и глаголам, характеризующим световое восприятие. В якутском языке из 17 глаголов 12 основ соответствуют монгольским основам (70,59%); 5 основ – к тюркским (29,41%). В алтайском языке из 10 глаголов 6 основ имеют параллели с тюркскими основами (60%); 4 основы – с монгольскими (40%). В якутском олонхо функция изобразительных глаголов как части эмотивной лексики, раскрывающей экспрессивное и эмоционально-оценочное отношение сказителя к персонажам и событиям, заключается в описании местности, природы и богатства жителей Среднего мира, также в характеристике внешности положительных и отрицательных персонажей, раскрытии их психологического и эмоционального состояния и внешнего вида, передаче оценки происходящего. В алтайском эпосе изобразительные глаголы в большей степени служат для описания персонажей. Следует заметить, что, может, это и есть подтверждение предположения Е. И. Убрятовой о том, что, действительно, частое употребление изобразительных глаголов на протяжении всей сюжетной линии в олонхо обуславливается развитым образным мышлением якутского сказителя. Кроме того, нужно добавить, что изобразительные глаголы в якутском и алтайском эпосах служат составными частями таких распространенных приемов художественного описания, как сравнение и параллелизм. Как показывает данное исследование, употребление

таких языковых единиц, как изобразительные глаголы, придающих речи сказителя красочность и многообразие, может иметь общие особенности и характерные черты, несмотря на то, что каждый отдельный сказитель эпоса имеет свою манеру исполнения, обладает разной степенью мастерства и определенным лексическим запасом родного языка. На наш взгляд, для выявления более конкретных общих и отличительных функциональных особенностей изобразительных глаголов необходимо провести исследование с эпическими текстами больших объемов.

Источники:

Улагашев Н. У. Алтай Буучай // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Т. XV. Горно-Алтайск, 2013. 272 с. (на алтайском и русском языках).

Хабаров П. Үс халлаан күүһэ күүстээх Көбүө Дьабыл бугатыыр (Юс халлаан кююэ кююстээх Кёбюё Джагыл бугатыыр // Муома олонхолоро. Якутск: Бичик, 2004. 240 с. (на якутском языке).

Литература:

Аргунова К. В., Сорова И. Н. Фоноструктурная и интонационная реализация глаголов зрительного образа в якутском и киргизском языках // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. С. 43–68.

Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

Балакина О. Н., Дедеева В. С. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск: Лепта, 2015. 168 с.

Борисов Ю. П. Основные черты параллелизма в якутском олонхо и в алтайском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–2 (29). С. 44–50.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: в 15 т. ред. Слепцов П. А. Новосибирск: Наука, 2007–2015.

Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 109 с.

Гоголева М. Т. К проблеме генетической связи якутского олонхо и малых алтайских сказаний // Филология и человек. 2015. № 3. С. 78–87.

Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.

Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.

Ефремов Н. Н. Эпические формулы в олонхо (в сопоставлении с алтайским героическим эпосом «Маадай-Кара») // Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения: сб. тезисов. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2015. С. 14.

Ефремов Н. Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения, в якутском языке (структурно-семантический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 112–118.

Жиркова Е. Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка). Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 118–124.

Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 2. Л–Я. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии, 1985. 480 с.

Львова С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и Кай Чёрчөк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Эпосоведение. 2019. № 3 (15). С. 126–139.

Монастырев В. Д., Ефремов Н. Н. Лексические средства выражения категории образности в якутском и монгольском языках (на материале образных глаголов визуального действия, характеризующих движение) // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. С. 163–175.

Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 128 с.

Ойротско-русский словарь. Баскаков Н. А. (ред.). Москва, 1947. 312 с.

Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия. URL: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_462.pdf (дата обращения 02.04.2020).

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Москва: Наука, 1980. 115 с.

Санжеева Л. Ц. Речевые средства эпической образности в бурятских улигерах о Гэсэре // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Эпосоведение. 2017. Т. 2. № 6. С. 5–16.

Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах тылдьыта. Ред. П. С. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2004–2006.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск. 1988. С. 111–127.

Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к тюркским, монгольским, а также тунгусо-маньчжурским языкам. Москва, 1960. 34 с.

Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947. 320 с.

Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. Москва; Ленинград, 1954. 312 с.

Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. Москва; Ленинград, 1960. 179 с.

Шамаева А. Е., Прокопьева С. М. Образные глаголы якутского языка, характеризующие части тела человека в сопоставлении с монгольским языком // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. С. 147–163.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Москва: ИВ РАН, 2015–2018.

Севертян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». Москва: Наука, 1989. 291 с.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p.

Герасимова Лилия Николаевна.

Научный сотрудник сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, г. Якутск, 677000.

E-mail: gelinica@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 марта 2021 г.

L. N. Gerasimova

FEATURES OF THE IMAGE-FORMING VERBS USING IN THE YAKUT AND ALTAI EPICS²

The image-forming verbs represent a special lexico-semantic group of verbs, in the meaning of which the main function is performed by sensorial perception and action, and in many cases, the visual image appears. The article provides a study of image-forming verbs of the Yakut and Altai languages, which perform the function of epic expressive means and are often applicable in the speech of the narrator. The purpose of this study is the identification of the structural and semantic specifics of image-forming verbs of the Yakut and Altai languages, and establishment of the functional features of this verbs group in the epic text. Materials of research: Yakut olonkho “Bogatyr Köbyue Dzhagyl” of P. Khabarov and Altai epic “Altai Buuchay” of N. Ulagashev. The systematization of verbs was done based on the work of L. N. Kharitonov. Methods: continuous sampling method for collecting verbs from epic texts; component analysis, which considers the meaning of the word as consisting of elementary meanings (signs, components, seme); the method of contextual (distribution) analysis, which allows to identify various meanings and nuances of the meanings of the studied verbs by their function inside the text. Result: 17 verbs have been identified from the Yakut olonkho and 10 verbs – from the Altai epic; verbs are divided into groups: verbs of movement in a broad sense; verbs characterizing gait, body movement, body parts; verbs characterizing facial expressions, a person’s face; verbs characterizing light perception. Among the identified Yakut image-forming verbs borrowing of stems with Mongolian origin predominates, and for Altai verbs – the overwhelming majority of stems with Turkic origin. The function of image-forming verbs in olonkho is presented in the description of the terrain, wealth of the inhabitants and nature of the Middle World, also for characterizing positive and negative characters, revealing their well-being and appearance, and evaluating actions. In the Altai epic image-forming verbs are more involved in the description of characters. In addition, the analysis of these verbs shows that image-forming verbs in the Yakut and Altai epics serve as components of the widespread methods of imaginative description as comparison and parallelism. According to the author, the using of linguistic units as image-forming verbs can have common features and characteristics, despite the style of performance, skill and lexical resources of the narrator. To identify more specific general and distinctive functional features of image-forming verbs, it is necessary to conduct research with epic texts of large volumes.

² The study was carried out as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Keywords: *epic language, verb, image-forming verbs, olonkho, Altai epic, functionality, comparative study, narrative, vocabulary of the narrator.*

Sources:

- Ulagashev N. U.** Altay Buuchay // Altay baatylar (Altayskie bogatyri) [Altai Buuchai. In: Altai Baatylar (Altai Bogatyrs)] T. XV. Gorno-Altaysk, 2013. 272 p. (In Altaic and Russian)
- Khabarov P.** Ys khallaan күүһе күүстеекх Көбүө D'абыл буҕатыр (Kebyue Dzhagyl bugatyyr // Муома олонкхолоро [Kebyue Dzhagyl Bogatyr. In: Olonkhos of Muoma] Yakutsk: Bichik, 2004. 240 p. (Sakha booturdara: 21 t.; 4-y t.) (In Yakut)

References:

- Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Altaic and Russian)
- Argunova K. V., Sorova I. N.** Fonostruktural'naya i intonatsionnaya realizatsiya glagolov zritel'nogo obraza v iakutskom i kirgizskom iazykakh. In: Kategoriya obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniya iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaya monografiya [Phono-structural and intonational actualization of visual impression verbs in the Yakut and Kyrgyz languages. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. P. 43–68. (In Russ.)
- Balakina O. N., Dedeeva V. S.** Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian vocabulary]. Gorno-Altaysk: Lepta, 2015. 168 p. (In Altaic and Russian)
- Borisov Iu. P.** Basic features of parallelism in Yakut olonkho and Altai epic. Issues of Theory and Practice Philological Sciences 2013. № 11–2 (29). Pp. 44–50. (In Russ.)
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaarylaakh ulakhan tyld'yt'a [Large defining vocabulary of Yakut language]: v 15 t. red. Sleptsov P.A. Novosibirsk: Nauka, 2007 – 2015. (In Yakut and Russian)
- Drevneturkyskiy slovar' [Ancient Turkic vocabulary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)
- Gogoleva M. T.** K probleme geneticheskoi svyazi iakutskogo olonkho i malykh altaiskikh skazanii // Filologiya i chelovek [On the genetic contacts between Olonkho and Tuvan Heroic Legends. Philology and Human] 2015. № 3. Pp. 78–87. (In Russ.)
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of modern Altai language. Morphology] Gorno-Altaysk, 2017. 576 p. (In Russ.)
- Efremov N. N.** Epicheskie formuly v olonkho (v sopostavlenii s altaiskim geroicheskim eposom "Maadai-Kara"). In: Eposy narodov mira: problemy i perspektivy sravnitel'nogo izucheniya: sbornik tezisov [Epic formulas in olonkho (in matching with the Altai heroic epic "Maadai-Kara") // Epics of the world nations: problems and horizons of comparative study: collection of theses]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2015, P. 14. (In Russ.)
- Efremov N. N.** Image-forming verbs forming the spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). Pp. 112–118. (In Russ.)
- Kharitonov L. N.** Sovremennyy iakutskiy iazyk. Fonetika i morfologiya [Modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947. 320 p. (In Russ.)
- Kharitonov L. N.** Tipy glagol'noi osnovy v iakutskom iazyke [The types of verb stem in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1954. 312 p. (In Russ.)
- Kharitonov L. N.** Formy glagol'nogo vida v iakutskom iazyke [Forms of verbal aspects in Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1960. 179 p. (In Russ.)
- Kyrgyz-Russian vocabulary: in 2 books. Book 2. L – Ya. Frunze: Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sovetskoy Entsiklopedii, 1985. 480 p. (In Kyrg. and Russ.)
- L'vova S. D.** Sravneniya v iakutskom i altaiskom eposakh (na materiale olonkho "Moguchii Er Sogotokh" i Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Comparisons in Yakut and Altai epics (on the material of the olonkho "Mighty Er Sogotokh" and Kai Cherchek "Maadai-Kara"). Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"]. 2019. № 3 (15). Pp. 126–139. (In Russ.)
- Monastyrev V. D., Efremov N. N.** Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii obraznosti v iakutskom i mongol'skom iazykakh (na materiale obraznykh glagolov vizual'nogo deistviya, kharakterizuyushchikh dvizhenie). In: Kategoriya obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniya iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaya monografiya [Lexical means of expressing the category of figurativeness in the Yakut and Mongolian languages (based on the material of image-forming verbs of visual action characterizing motion) In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. Pp. 163–175. (In Russ.)

Nikolaeva A. M. Sredstva vyrazheniia ekspressivnosti v iakutskom iazyke [Methods of expressing expressivity in Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2014. 128 p. (In Russ.)

Pukhov I. V. Geroicheskiy epos tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichii [Heroic epic of Turk-Mongolian peoples of Siberia] [Elektronic source] Rezhim dostupa: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_462.pdf (In Russ.)

Rassadin V. I. Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh iazykakh [Mongolian-Buryats borrowings in Siberian Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russ.)

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalias-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p. (In Germ.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological vocabulary of Mongolian languages]: in 3 volumes. Moscow: IV RAN, 2015–2018. (In Mong. and Russ.)

Sanzheeva L. Ts. Rechevye sredstva epicheskoi obraznosti v buriatskikh uligerakh o Gesere. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Eposovedenie [Means of epic expressiveness in the Buryat uligers about Geser. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"] 2017. T. 2. (6). Pp. 5–16. (In Russ.)

Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Ж", "Zh", "Y" [Etymological vocabulary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems on the letters "Ж", "Zh", "Y"]. Moscow: Nauka, 1989. 291 p. (In Turk. and Russ.)

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Defining vocabulary of the Yakut language]. Ed. Sleptsov P.A. Novosibirsk: Nauka, 2004–2006. (In Yakut and Russian)

Tybykova L. N. Sposoby vyrazheniia sravneniia v altaiskom iazyke // Voprosy altaiskogo iazykoznanii [Methods of expressing comparison in Altai language. In: Issues of Altai linguistics]. Gorno-Altai. 1988. Pp. 111–127. (In Russ.)

Ubriatova E. I. Iakutskii iazyk v ego otnoshenii k tiurkskim, mongol'skim, a takzhe tunguso-man'chzhurskim iazykam [Yakut language and its relation to the Turkic, Mongolian, and also to the Tungus-Manchurian languages]. Moscow, 1960. 34 p. (In Russ.)

Shamaeva A. E., Prokop'eva S. M. Obraznye glagoly iakutskogo iazyka, kharakterizuiushchie chasti tela cheloveka v sopostavlenii s mongol'skim iazykom. In: Kategoriia obraznosti v iazyke (na materiale sopostavleniia iakutskogo iazyka s kazakhskim, kirgizskim, altaiskim i mongol'skim iazykami): kollektivnaia monografiia [The image-forming verbs of the Yakut language, characterizing parts of the human body in comparison with the Mongolian language. In: The category of figurativeness in language (Based on comparison material of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages): collective monograph]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2019. Pp. 147–163. (In Russ.)

Vasil'ev Iu. I. Sposoby vyrazheniia sravneniia v iakutskom iazyke [Methods of expressing comparison in Yakut language] Novosibirsk: Nauka, 1986. 109 p. (In Russ.)

Zhirkova E. E. Features of Figurative Verbs Expressing the Human Gait in the Yakut Language (using materials of the Japanese language). North-Eastern journal of humanities. 2017. № 3 (20). Pp. 118–124. (In Russ.)

Gerasimova Liliya Nikolaevna.

Researcher of sector "Linguofolkloristics" of Olonkho Research Institute.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

58 Belinsky st., Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: gelinica@yandex.ru